

5. Новиков, Л. А. Семантика русского языка : учебное пособие / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
6. Шмелёв, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
7. Клюев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учебное пособие для ВУЗов / Е. В. Клюев. – М. : Приор, 1999. – 272 с.
8. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 290 с.
9. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.
10. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапр., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
11. Корюкина, Е. С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Корюкина. – Нижний Новгород, 2014. – 19 с.
12. Миллер, Е. Н. Межчастеречная антонимия / Е. Н. Миллер // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1981. – № 1. – С. 78 – 82.

РЕЗЮМЕ

В статье на материале белорусских народных пословиц и поговорок рассматривается антонимическая парадигма, включающая различные типы противопоставления и сопоставления в структуре паремий, описываются доминантные семантические оппозиции антонимов, определяются изобразительно-выразительная, смыслообразующая и структурная функции в тексте.

SUMMARY

In the article by the material of the Belarusian popular Proverbs and sayings is considered antonymy paradigm, including different types of contrast and comparison in the structure of paroemias, describes the dominant semantic opposition antonyms, are determined by the descriptive and expressive, semantic and structural features in the text.

Фёдоров Р. Ю., Багаиёв А. Н., Фишер А. Н.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ, У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДЕРЕВНИ ЕРМАКИ

*Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюменский государственный институт культуры
(Поступила в редакцию 13.10.2015)*

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-21-01002

Деревня Ермаки Викуловского района Тюменской области была основана выходцами из Могилёвской губернии в 1897 г. На сегодняшний день в ней еще живут информаторы, родившиеся в 1920 – 1930-х годах, которые преимущественно относятся ко второму и третьему поколениям переселенцев. Их воспоминания дают возможность реконструировать некоторые особенности бытовавших в деревне обычаев и обрядов, связанных с пространством дома и усадьбы. Эти сведения представляют большой интерес в контексте целого ряда исследовательских задач. В частности, они дают возможность проследить имевшую место на протяжении последнего столетия эволюцию народного жилища белорусских крестьян, оказавшихся в

Сибири и вынужденных приспособлять элементы своей строительной культуры к новым природно-климатическим условиям и иному этнокультурному окружению. Не меньший интерес представляет изучение в обычаях и обрядах, связанных с жилищем переселенцев, соотношений общеславянских и белорусских элементов.

В Сибири потомков белорусских переселенцев стали именовать «самоходами», тогда как русских старожилов, заселявших эти места в XVII – XVIII вв., было принято называть «челдонами» [2, с. 125]. Во многих семьях жителей Ермаков сохранились схожие рассказы о том, как их предки-первопоселенцы, основывая деревню, раскорчёвывали тайгу и рыли землянки, в которых пережили первую зиму. При выборе места для строительства дома крестьяне ходили босиком, определяя наиболее тёплый и сухой участок. Как правило, дом нельзя было строить на том месте, где раньше проходила дорога, что является широко распространённой общеславянской традицией [3, с. 314]. Считалось, что если дом стоит «не на месте», то домовый не даст его жителям покоя (зап. от Федоры Даниловны Суздалевой, 1923 г. р.). Первыми домами, построенными в деревне, были однокамерные хаты-«одноколки» с русскими печами. Однако ещё до Великой Отечественной войны местные жители начали строить первые пятистенки и крестовые дома.

Среди элементов строительной обрядности жители Ермаков наиболее часто вспоминают обычай, когда их предки при возведении первого венца дома клали под место, где будет красный угол, монеты или куски шерсти. Отдельные информаторы отмечают, что шерсть была более характерной для белорусов, тогда как при разборке домов, ранее построенных челдонами, как правило, находили оставленные ими в этом месте монеты. Распространённый у русских старожилов Сибири обычай втыкать в землю или сажать с корнями берёзу или другие деревья при закладке фундамента неизвестен старожилам Ермаков. Память о животных строительных жертвах также не сохранилась в деревне, однако её отголоском можно считать обычай закалывать и подавать на стол петуха при вселении в новый дом.

Для строительства домов, как правило, использовали «красный лес», к которому местные жители относили такие хвойные породы деревьев, как ель, сосна и кедр. Лес было принято заготавливать на убывающей луне, тогда как строительство дома начинали на растущей. Информатор Ф. Д. Суздалева связывала это с тем, что на старой луне дерево содержит наименьшее количество влаги и поэтому более пригодно для строительства дома.

Вплоть до конца 1980-х годов при строительстве нового дома были широко распространены помочи. Когда работа завершалась, хозяева дома приглашали помогавших мужчин и их жен на общую трапезу. В этот день заводили квашню, чтобы испечь в новом доме хлеб. Этот обычай старожилы связывали с привлечением изобилия и достатка в построенный дом. Из животных первой в дом пускали кошку. Старинный белорусский обычай, в соответствии с которым на протяжении первых шести дней в доме ночуют

разные животные и лишь на седьмую ночь приходит хозяин, не сохранился в памяти старожилов Ермаков [3, с. 316].

Переселенцы из Белоруссии стремились сохранить традиционную для них ориентацию дома на восток, которая была не свойственна челдонам. Самоходы обычно строили свои дома так, чтобы утром солнце светило в окна и освещало устье печи, расположенной ближе к входной двери, что является характерной белорусской традицией [4, с. 115]. Однако добиться этого переселенцам удавалось не всегда. По неизвестным сегодня причинам главная улица Ермаков получила другую ориентацию, при которой *«утром солнце светит не на печь, а на крыльцо»* (зап. от Надежды Ивановны Вычужаниной, 1966 г. р.). Многие старожилы деревни до сих пор отмечают, что подобная ориентация домов им неудобна. К примеру, Ф. Д. Суздалева рассказывала: *«Купили мы с дедом старый дом. Лет пять в нём прожили, дед говорит: “Давай переставлять дом. Всё мне в нём нравится, однако все окна выходят в огород и только одно окно на деревню. Не видать нам из-за этого, как скотину гонят”*». В конечном итоге семья Суздалевых специально перестроила дом, чтобы повернуть его в другую сторону.

Первопоселенцы Ермаков первоначально покрывали крыши домов соломой, затем дёрном, а позднее «берёстой». После войны начали крыть крыши толью, а затем шифером.

В большинстве домов Ермаков сохранился красный угол, в котором помимо икон висит рушник, редко встречающийся в домах челдонов. Уважаемого гостя было принято сажать в красный угол. Кроме красного угла местные жители, как правило, не выделяют в пространстве дома другие функциональные зоны, имеющие особое сакральное значение или предназначенные для определённых членов семьи. К примеру, в рассказах потомков белорусских переселенцев отсутствуют упоминания о «бабьем куте» и некоторых других особых местах, встречавшихся в домах живших по соседству русских старожилов.

Во многих домах жителей Ермаков сохранились русские печи, с которыми связан ряд суеверий. Когда в доме находился покойник, печная труба должна была оставаться открытой, что символизировало в этот момент связь дома с миром мёртвых. На Святки труба, наоборот, закрывалась, так как считалось, что в святочную ночь в дом может проникнуть нечистая сила. После похорон надо было погреть около печи руки, чтобы «не занести в дом смерть» (зап. от Ф. Д. Суздалевой). В печь надо было посмотреть, чтобы избавиться от испуга. В ночь на Чистый четверг в печь насылали соль, которая на следующий день считалась целебной. Зола из печи в этот день тоже обладала магическими свойствами. Ею было принято посыпать капусту и другие овощи, потому что считалось, что она помогает от вредителей в огороде. На Крещение углём из печи на стенах дома рисовали кресты («закрещивали дом»). В поминальный праздник Деда, который жители Ермаков справляли один раз в год с пятницы на Дмитриевскую субботу,

существовало поверье, что если спрятаться за печь и надеть лошадиный хомут, то можно увидеть пришедших в дом умерших предков [5].

Во многих семьях сохранились воспоминания, связанные с сакральными значениями потолочной матицы. Местные целительницы нередко именно под ней совершали свои лечебные обряды. Жительница Ермаков Феодосия Александровна Усольцева, 1934 г. р. вспоминала, что, когда уходил в армию её муж, его мать завела мужчину в спальню и заставила подержать за матицу, чтобы он «дома держался» и вернулся назад. С окнами дома было связано распространённое у всех восточных славян суеверие, в соответствии с которым бившаяся о них птица предвещала покойника. Через окно также было принято подавать на праздники милостыню нищим. Относительно этой зафиксированной у всех восточных славян традиции А. К. Байбурин отмечал, что пища, подаваемая через окно, всегда обладает сакральным значением [1, с. 143]. С порогом дома также был связан ряд широко распространённых суеверий. На нём нельзя было стоять – это объяснялось тем, что «на пороге стоишь – болезни клеются» (зап. от Ф. Д. Суздалевой). Через порог также не было принято передавать какие-либо предметы, потому что «куры не будут нестись» (зап. от Ф. Д. Суздалевой).

В комнатах дома стены украшали на Троицу берёзовыми, а на Пасху – еловыми ветками. В пасхальную ночь было принято стелить их на пол и там спать. Считалось, что исполнение этого обычая придаёт людям здоровье.

Суеверия, связанные с домовыми, сохранили в Ермаках большую стойкость. При этом в разных семьях можно проследить отличные друг от друга вариации. К примеру, в одних рассказах домовый обитает у печи, поэтому рядом с ней кладётся веник, «на котором он спит» (зап. от Ф. Д. Суздалевой). По другим поверьям, домовый обитает в подполе, где для него стелется специальный коврик под лестницей и «положена денежка» (зап. от Ф. А. Усольцевой). В других семьях в подполье для домового оставляли мочальное помело. Если семья переезжала в другой дом, то домового звали с собой, приговаривая: «*Соседушка, братанушка, пойдём с нами на новоселье*» (зап. от Ф. А. Усольцевой). По рассказу Феодосии Александровны, одна семья, переезжая в другую деревню, забыла позвать с собой домового. После этого их бывшие соседи начали слышать, что в доме постоянно кто-то плачет. Узнав об этом, хозяева вернулись в дом и пригласили домового на новое место, после чего плач прекратился.

Кроме того, у жителей Ермаков сохранились суеверия, связанные с банником. По словам Ф. А. Усольцевой, в углу бани для него всегда оставляли кусок мыла. Людям нельзя было мыться в бане после полуночи, потому что считалось, что в это время в ней моется банник.

В Ермаках бытовал обычай, согласно которому, в случае пожара, когда к дому приближался огонь, необходимо было бросить в противоположную ему сторону хранимое для этих целей в доме пасхальное яйцо. Считалось, что от пожара дом также охраняет пасхальная верба, которую ставили в

красном углу. Чтобы прекратилась гроза, на улицу выбрасывали печную лопату. Пасхальной вербой также было принято хлестать корову, отправляя её пастись, приговаривая при этом: *«Бью, бью тебя вербой, чтоб ходила ты домой»* (зап. от Анфисы Дмитриевны Денисенко, 1928 г. р.).

Посиделки чаще всего устраивались в домах одиноких пожилых вдов. Молодые приносили дрова, муку и хмель. Хозяйка дома пекла хлеб и варила пиво. В советское время посиделки часто устраивались после сбора урожая. Специальной благодарности от гостей хозяйки дома не просили. Во время занятий рукоделием девушки жевали серу, полученную из смолы хвойных деревьев. По словам Ф. А. Усольцевой, сера не давала заснуть при монотонной работе и способствовала выделению слюны, которой смачивали пряжу.

Подвергая обобщению и анализу полученные в Ермаках полевые материалы, включающие не только рассказы информаторов, но и визуальный осмотр их домов, можно сделать вывод об утрате на сегодняшний день большинства региональных особенностей строительной культуры, привнесённых из мест выхода переселенцев. Это обстоятельство связано с рядом факторов. К ним относятся как общие эволюционные изменения принципов строительства, происходившие за последние сто лет в сибирской деревне, так и заимствования потомками переселенцев строительных традиций и инноваций, свойственных новому этнокультурному окружению, значительную часть которого составляли сибирские старожилы – челдоны. Многие дома, сохранившиеся в Ермаках, покупались у них, при этом они нередко перевозились из других деревень, тем самым привнося не свойственные первопоселенцам строительные приемы и принципы планировки жилища. При этом большинство опрошенных информаторов отмечало, что сегодня дома челдонов и самоходов имеют мало различий. Данная ситуация типична не для всех мест компактного проживания белорусских крестьян в Сибири. Экспедиционные исследования, проведённые ранее в ряде других регионов, позволили нам выявить отдельные примеры довольно стойкого сохранения особенностей строительной культуры, привнесённых из отдельных регионов Беларуси.

По прошествии ста лет с момента переселения могилёвских крестьян в Сибирь в их обрядах и суевериях, связанных с жилищем, преобладают универсальные элементы, в той или иной степени свойственные всем восточнославянским народам. Этому способствовали процессы как ассимиляции, так и разрушения традиционной строительной культуры во время преобразований советской эпохи. Несмотря на это, в памяти старожилов ещё сохранились отдельные особенности семантики народного жилища, характерные для белорусов. К ним можно отнести стремление придать дому традиционную ориентацию на восток, а также отдельные суеверия, связанные с пространством дома и усадьбы, которые являются составными компонентами привнесённых из мест выхода переселенцев особенностей белорусской календарной и семейной обрядности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1983. – 188 с.
2. Багашёв, А. Н. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири / А. Н. Багашёв, Р. Ю. Фёдоров // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3 (51). – С. 124 – 129.
3. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 551 с.
4. Локотко, А. И. Белорусское народное зодчество: середина XIX – XX в. / А. И. Локотко. – Минск : Наука и техника, 1991. – 287 с.
5. Фёдоров Р. Ю. Особенности поминальной обрядности у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока / Р. Ю. Фёдоров, А. В. Титовец, А. А. Богордаева // Традиционная культура. – 2015. – № 3. – С. 174 – 184.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию обычаев и обрядов, связанных с жилищем, у потомков белорусских крестьян-переселенцев, проживающих в деревне Ермаки Викуловского района Тюменской области. Результаты исследования свидетельствуют о том, что несмотря на утрату большинства принципов строительной культуры, привнесённых из мест выхода, в повседневной жизни старожилов деревни сохранились отдельные суеверия, связанные с пространством дома и усадьбы, которые являются составными компонентами белорусской календарной и семейной обрядности.

SUMMARY

The article is devoted to research of the customs and ceremonies connected with the dwelling at descendants of the Belarusian peasants immigrants living in the village of Ermaki of Vikulovsky district of the Tyumen region. Results of research testify that despite loss of the majority of the principles of construction culture introduced from exit places in everyday life of old residents of the village the separate superstitions connected with space of the house and estate which are compound components of the Belarusian calendar and family ceremonialism remained.

Хазанова К. Л.

ПАЭТЫКА АЗНАЧЭННЯЎ У КАЛЯНДАРНА-АБРАДАВЫМ ФАЛЬКЛОРЫ ГОМЕЛЬСКА-БРАНСКАГА ПАГРАНІЧЧА

*Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны
(Паступіў у рэдакцыю 25.02.2016)*

Гісторыка-этнаграфічны рэгіён Гомельска-Бранскага пагранічча ў сучаснай Беларусі адзін з найбольш адметных у моўных і культурных адносінах. Абрадавы фальклор гэтай тэрыторыі, занатаваўшы маральны вопыт народа і духоўны завет многіх пакаленняў, заслугоўвае дэталёвага фальклорна-этнаграфічна-лінгвістычнага аналізу. Нездарма этнографы, фалькларысты і лінгвісты не спыняюць комплекснага рознабаковага вывучэння духоўнай спадчыны Усходняга Палесся [1 – 8]. Народная культура рэгіёна мае многія спецыфічныя рысы і ўласцівасці, што патрабуюць этналінгвістычнага даследавання. Яскравай стылістычнай